

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

ВЕДУЩИЙ КЛАСС СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЯ ТРУДА» (ИСТОРИОГРАФИЯ)

ЭТАПЫ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И «НОВЫЕ МЕТОДИКИ»

ОБРАЗ ЖИЗНИ ТУРКМЕН (XIX—НАЧАЛО XX В.)

ДИПЛОМАТИЯ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

ОРЕШЕК

12

МОСКВА · 1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

22
1427

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 12

ДЕКАБРЬ

1983

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- С. С. Хромов — Ведущий класс советского общества 3
С. В. Тютюкин — Группа «Освобождение труда» и современная бур-
жуазная историография 19
М. А. Окунева — Рабочий класс — ведущая сила Кубинской революции 34
А. А. Кокорев — Этапы гонки вооружений 49
Е. С. Голубцова, Ю. А. Завенягин — Еще раз о «новых методиках»
и хронологии древнего мира 68

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

- Г. Е. Марков — Образ жизни туркмен в XIX — начале XX века 84

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- Член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова — Дипломатия ран-
ней Византии 99

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- В. Ф. Мордвинцев — В Бюро Отделения 114
С. О. Шмидт — О наследии академика М. Н. Тихомирова 115

Рецензии

- В. И. Тропин — Ленин и революция. 1905 год 123
Р. С. Шакирова — Э. Д. Осколкова. Проблемы методологии и ис-
ториографии ленинской концепции нап 125

lib
ГОС. ПУБЛ. БИБ.
ИМЕНИ СТЕПА
ЛЕНИНА

Р. Ш. Ганелин (Ленинград) — В. В. Шелохаев. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг.	128
Н. А. Казакова (Ленинград) — А. А. Зимин. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории)	130
А. И. Степанов — И. Н. Земсков. Дипломатическая история второго фронта в Европе	133
С. Л. Агаев — Г. Ф. Ким. От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций	137
Г. И. Зверева — Е. Ю. Полякова. Ольстер: истоки трагедии	140
С. Варлов — М. И. Сладковский. Китай и Англия	142
Новые книги	145
Статьи в советских периодических изданиях	148
Хроникальные заметки	150

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Г. Н. Болдырева (Воронеж) — В комиссии советских и австрийских экспертов по учебникам истории и географии	154
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзор

Г. И. Чернявский (Харьков) — Новые материалы и исследования о жизни и деятельности Георгия Димитрова	155
--	-----

Рецензии

А. И. Борозняк (Липецк), Н. С. Черкасов (Томск) — Дискуссии о современной эпохе. Основные проблемы новейшей истории в свете критики буржуазной историографии	163
--	-----

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	166
Рецензии на советские издания	168
Коротко о книгах	169

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А. В. Викторов (Ленинград) — Непобежденный Орешек	172
В. А. Гавриличев (Иваново) — Сент-Антуанские санкюлоты 1 мая 1793 г.	175

Сведения об авторах	179
<u>Дмитрий Михайлович Кукин</u>	180
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1983 году	181
Резюме статей на английском языке	190

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» И СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

С. В. Тютюкин

История группы «Освобождение труда», переход ее членов от народничества к марксизму, их взаимоотношения с К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным, позиция после раскола РСДРП — все эти вопросы давно привлекают внимание буржуазных историков самых различных направлений, от оголтелых антисоветчиков, выполняющих прямые задания определенных западных служб и ведомств, до представителей либерального направления историографии и ученых, стоящих на социал-реформистских позициях. Их интерес к столетней давности фактам нашей истории далеко не случаен. Он объясняется тем, что анализ раннего этапа социал-демократического движения в России в конечном счете выводит исследователей на такие актуальные, находящиеся сейчас в самом центре идейной борьбы проблемы, как пути распространения марксистского учения в современном мире, соотношение общего и национально-особенного в мировом революционном процессе и строительстве социализма, международное значение ленинизма и опыта КПСС. Поэтому зарубежная историография группы «Освобождение труда», особенно работы двух последних десятилетий, как в зеркале, отражает и общие тенденции современной идеологической борьбы, и основные направления развития западной, в первую очередь англо-американской и западногерманской, историографии, и подчас довольно острое столкновение различных течений внутри буржуазной исторической науки.

Советские историки уже не раз выступали с аргументированной критикой буржуазных фальсификаций по проблемам, связанным с историей группы «Освобождение труда» и распространения марксизма в России¹. В настоящей статье делается попытка, опираясь на исследования советских специалистов по истории первых марксистских организаций в России, более обстоятельно проанализировать зарубежную литературу 60-х — начала 80-х годов, особенно последние работы, посвященные группе «Освобождение труда». При этом специально выделены четыре вопроса: марксизм и народничество; Маркс, Энгельс и первые русские марксисты; борьба Плеханова против российского и международного оппортунизма; группа «Освобождение труда» и ленинская «Искра».

¹ Жуйков Г. С. Группа «Освобождение труда». М., 1962; его же. Правда истории (Против фальсификации буржуазной историографией раннего периода истории КПСС). Л. 1968; Казакевич Р. А., Сулова Ф. М. Мистер Пайпс фальсифицирует историю. М. 1966; Беспалов Н. Е. Ленин и становление большевизма в освещении современной англо-американской историографии. — История СССР. 1970, № 2; Костин А. Ф. Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики. М. 1973; Злобин В. И. Второй съезд РСДРП. Историография. М. 1980; Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М. 1983; и др.

Оставляя в стороне более чем краткие и совершенно бесцветные фактические справки о группе «Освобождение труда» и ее членах, содержащиеся в общих курсах русской истории, выходящих на Западе, попробуем прежде всего очертить круг работ, авторы которых скольконибудь самостоятельно рассматривают интересующую нас проблему. До недавнего времени в буржуазной историографии не было исследований о группе «Освобождение труда» как таковой. Дело ограничивалось, как правило, тенденциозными экскурсами в ее историю в книгах, посвященных рабочему и социал-демократическому движению в России на рубеже XIX и XX вв.², а также освещением отдельных аспектов деятельности группы в работах биографического жанра. В частности, появились «интеллектуальные биографии» Г. В. Плеханова³, П. Б. Аксельрода⁴ и В. И. Засулич⁵, причем выбор героев этих книг, несомненно, определялся не только их незаурядными личными качествами и обилием выигранных для биографа крутых поворотов в их судьбах, но и факторами идеологическими. Ведь все члены группы «Освобождение труда», за исключением рано умершего В. Н. Игнатова, стали затем меньшевиками, идейными противниками Ленина и в этом качестве особенно интересуют буржуазных историков и политологов⁶. Однако, пытаясь «исправить» оценку группы «Освобождение труда», данную советской историографией, буржуазные авторы, как правило, впадают в безудержную апологетику своих героев. Они объявляют их в противовес Ленину сторонниками «демократического социализма», отождествляют идейный крах Плеханова, Аксельрода и Засулич в меньшевистский период их деятельности с «крахом» марксизма и т. п.

Несколько обособленно стоит капитальная работа Т. Цимке⁷. В ней чувствуется симпатия автора к личности Плеханова, уважение

² Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y. 1960; Keep J. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford. 1963; Geyer D. Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Köln—Graz. 1962; Vladimir Akimov on the Dilemmas of Russian Marxism. 1895—1903. Cambridge. 1969; Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement. 1885—1897. Cambridge (Mass.). 1963; eju.s.d. Struve: Liberal on the Left. 1870—1905. Cambridge (Mass.). 1970.

³ В 1952 г. американский историк С. Бэрн защитил в Стэнфорде диссертацию «Георгий Плеханов и группа «Освобождение труда». 1883—1894» затем последовал ряд его статей о Плеханове в американских и западноевропейских журналах, а в 1963 и 1966 гг. двумя изданиями вышла широко разрекламированная на Западе его книга «Plekhanov: The Father of Russian Marxism». В дальнейшем Бэрн опубликовал историографическую статью «The Resurrection of Plekhanovism in Soviet Historiography» (Russian Review, 1974, № 4). Последнее по времени обращение Бэрна к плехановской теме относится к 1981 г., когда он опубликовал и прокомментировал ряд неизвестных ранее документов Плеханова периода первой мировой войны, хранящихся в США и в Международном институте социальной истории в Амстердаме (International Review of Social History, 1981, vol. XXVI, pt. 3). Бэрн участвовал также в издаваемой фондом Фельтринелли в Италии «Истории современного марксизма» (Histoire du marxisme contemporain. Т. 3. Р. 1977).

⁴ Ascher A. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.). 1972.

⁵ Geierhos W. Vera Zasulich und die russische revolutionäre Bewegung. München—Wien. 1977. Исследование В. Гайерхоса было в целом положительно встречено советской научной общественностью (см. рец. М. Г. Седова: История СССР, 1981, № 3).

⁶ Некогда буржуазная историография спекулировала на отсутствии развернутых биографических работ о членах группы «Освобождение труда», написанных с марксистских позиций и предназначенных для массового читателя. В последние годы в СССР большими тиражами изданы книга М. Т. Иовчука и И. Н. Курбатовой «Плеханов» (М. 1977, серия ЖЗЛ) и повесть В. Осипова «Подснежник» (М. 1982, серия «Пламенные революционеры»), также посвященная Плеханову и его товарищам по группе «Освобождение труда». Несколько ранее вышла книга: Добровольский Е. Н. Чужая боль. Повесть о Вере Засулич. М. 1978 (та же серия).

⁷ В 1974 г. Т. Цимке защитил в Кильском университете магистерскую диссертацию «Плеханов и начало марксизма в России». Затем он стажировался в МГУ, работал в советских архивах и в 1979 г. защитил докторскую диссертацию, которую и опубликовал (Ziemke T. Marxism und Narodničestvo: Entstehung und Wirken der Gruppe «Befreiung der Arbeit». Frankfurt a/M. 1980).

к его благородной, подвижнической деятельности в 70—80-х годах прошлого века, признание заслуг группы «Освобождение труда» перед революционным движением. Цимке подробно характеризует идеологию и организационное состояние народнического движения в 70—90-х годах XIX в., показывает тот идейный тупик, в который оно зашло после 1 марта 1881 г., прослеживает путь членов группы «Освобождение труда» к марксизму и их воздействие на передовую революционную молодежь в России. Одну из главных заслуг Плеханова Цимке видит в том, что он нашел новый субъект российского революционного движения — пролетариат и новую революционную идеологию — марксизм, конкретизировал мысли Маркса и Энгельса об особой роли рабочего класса в поздних буржуазных революциях, поставил (хотя и не решил) вопрос о гегемонии пролетариата в освободительном движении. В ряде случаев Цимке отдает дань стереотипам буржуазной историографии⁸, но в целом его подход к проблеме распространения марксизма в России заслуживает положительной оценки, тем более что подобные работы остаются в буржуазной историографии редким исключением.

Рассмотрим теперь, как интерпретируются в современной буржуазной литературе отдельные вопросы, связанные с историей возникновения и деятельности группы «Освобождение труда». Большинство буржуазных историков всячески подчеркивает подражание первых русских марксистов западным образцам, делает акцент на «импорте», заимствовании, механическом перенесении ими марксизма на русскую почву, преуменьшая значение той трудной, порой мучительной творческой работы, которая была проделана в 60—80-х годах прошлого века лучшими представителями социалистической мысли России. При этом предпринимаются всевозможные попытки сгустить краски в изображении отсталости страны («детский уровень развития капитализма» и т. п.⁹) и тем самым лишить деятельность пропагандистов марксизма в России всякой реальной почвы.

В действительности переход от народничества к марксизму представлял собой очень сложный процесс, в котором тесно переплетались внутренние и внешние факторы. К первым нужно отнести развитие российского капитализма, появление рабочего класса и первых рабочих организаций, начало борьбы пролетариата за свои права, кризис теории и практики народничества. Ко вторым — быстрое распространение марксизма, успехи рабочего движения, создание первых социалистических партий в странах Западной Европы. Марксизм пришел в Россию не случайно и не «вдруг», но столь же очевидно, что переход от народничества к марксизму носил характер диалектического скачка, был настоящей революцией в умах, а не плавной трансформацией одной идеологической системы в другую. Наконец, темпы, пути и индивидуальные особенности разрыва с народническим прошлым у первых русских марксистов также были весьма различны.

Однако далеко не все аспекты данной проблемы получили освещение в работах зарубежных историков, а по многим вопросам в них высказываются явно несостоятельные суждения. Так, в трактовке Бэрона начальная грань процесса эволюции Плеханова к марксизму сдвигается к концу 70-х годов XIX в., поскольку автор не учитывает того, что «экономический материализм» — а именно он безосновательно считается на Западе главным показателем сближения со взглядами Маркса и Энгельса — был заимствован Плехановым у Бакунина и в

⁸ Так, Цимке считает, что к 1917 г. Россия не созрела для социалистической революции «в смысле Маркса» (Zietke T. Op. cit., S. 11). Увлеченный деятельностью Плеханова, он не видит решающего вклада Ленина в идейный разгром народничества.

⁹ Schapiro L. Op. cit., p. 11.

целом еще вполне укладывался в рамки народнической доктрины¹⁰. Мировоззрение Плеханова уже к моменту его отъезда из России в январе 1880 г. выглядит у Бэрона как смесь народничества с марксизмом, а в 1882 г., когда Плеханов закончил предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», он якобы предстал перед читателями как «вполне марксистский» мыслитель¹¹. Совершенно очевидно, что подобные оценки ведут к стиранию качественной грани между народничеством и марксизмом и заметно «выпрямляют» путь Плеханова к марксизму.

Некоторые буржуазные историки, например, ярый антисоветчик Р. Пайпс или Дж. Фрэнкел, упорно изображают «русский марксизм» как эклектическую смесь марксизма с народничеством, научного детерминизма с бескрайним волюнтаризмом, причём удельный вес последнего, особенно у Ленина, по их мнению, возрастал¹². Таким образом, характеризуя «русский марксизм»¹³ (а для буржуазной историографии чрезвычайно характерно стремление «расщепить» единое марксистское учение на множество национальных модификаций), они приписывают ему «слепую ортодоксальность», безграничную веру в авторитет Маркса и Энгельса, догматизм¹⁴, либо, наоборот, отсутствие в нем необходимой идейной выдержанности и «чистоты», подчинение различным теориям домарксистского, утопического социализма, прежде всего народнического. Обе эти точки зрения, как уже доказано в марксистской литературе, не имеют ничего общего с действительностью.

Зарубежной историографии нельзя совершенно отказать в стремлении разобраться в тех сложных идейных исканиях, которыми сопровождался переход членов группы «Освобождение труда» к марксизму. Так, В. Гайерхос подчеркивает, что Засулич дольше, чем Плеханов, поддерживала контакты с народолюбцами, более активно выступала за объединение народнических сил после 1 марта 1881 г., пыталась спасти народническую теорию некапиталистического развития России, обращаясь к авторитету Маркса¹⁵. А. Эшер видит особенность аналогичного процесса трансформации взглядов Аксельрода в его более тесных, по сравнению с другими членами группы, контактах с рабочими до эмиграции из России и в более широких связях с западноевропейским социалистическим движением, что якобы придало его марксистским взглядам более гуманистическую и демократическую окраску¹⁶. Последний тезис явно выдержан в традиционном для буржуазной историографии духе антинаучного противопоставления «демократического» и «авторитарного» социализма. Очевидна и натянутость аргу-

¹⁰ Вагон S. Plekhanov, p. 54. Заметим, что сам Плеханов позже признавал, что в конце 70-х годов XIX в. он был еще «народником до конца ногтей» (Плеханов Г. В. Соч. Т. III. М. 1928, с. 123).

¹¹ Вагон S. Plekhanov, pp. 59, 68.

¹² Pipes R. Russian Marxism and its Populist Background.— Russian Review, 1960, October, pp. 336—337; Frankel J. Volontarism, maximalism: le groupe Osvoboždenie Truda. 1883—1892.— Cahiers du monde russe et soviétique, 1968, vol. IX, № 3—4, p. 198.

¹³ Как известно, Ленин тоже употреблял термин «русский марксизм», связывая его рождение с деятельностью группы «Освобождение труда» (Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 405), но не имел при этом в виду каких-либо его специфических национальных особенностей. Между тем для буржуазных историков весь смысл подобной терминологии заключается именно в том, чтобы противопоставить марксизм передовых и более отсталых стран, марксизм первого и второго «сорта», марксизм «гибкий» и марксизм «прямолинейный» и т. п. При этом они всячески стараются отлучить Ленина и марксистов-ленинцев, творчески развивавших теорию своих великих учителей применительно к новой исторической эпохе и национальным особенностям их стран, от учения, разработанного Марксом и Энгельсом.

¹⁴ Вагон S. Plekhanov, pp. 112—116; Larsson R. Theories of Revolution. Stockholm. 1970, pp. 8, 125; Keep J. Op. cit., p. 16.

¹⁵ Geierhos W. Op. cit., S. 256—257.

¹⁶ Ascher A. Op. cit., pp. 64—65, 103.

ментации Эшера: он не только преувеличивает близость Аксельрода к рабочим, но и недооценивает выявленное советской историографией значение непосредственных контактов молодого Плеханова-народника с передовыми рабочими в 70-х годах XIX в. для его последующей идейной эволюции к марксизму. Добавим, что в период эмиграции Плеханов и Аксельрод были в равной мере оторваны от рабочего движения на родине, однако Плеханов все же лучше улавливал настроения пролетарских масс (это проявилось, в частности, в период борьбы с ликвидаторством, когда многие рабочие-меньшевики пошли за «партийцем» Плехановым, а не за ликвидатором Аксельродом).

Цимке стремится более объективно разобраться в данной проблеме. Он решительно возражает, например, против попыток Бэрона так или иначе «подтянуть» взгляды Плеханова-народника к марксизму. Цимке рассматривает чернопеределчество как течение внутри народничества, а эволюцию Плеханова к марксизму начинает примерно с 1881 г., подчеркивая, что и в то время он еще далеко не всегда и не во всем понимал Маркса. Останавливаясь на причинах неудачи попыток объединения народовольцев и чернопеределцев в начале 80-х годов прошлого века, Цимке пишет, что Плеханова и его будущих товарищей по группе «Освобождение труда», с одной стороны, и Л. Тихомирова и других руководителей «Народной воли» — с другой, разделял принципиально различный подход к таким коренным вопросам, как роль рабочего класса в освободительной борьбе и «захват власти». Цимке категорически возражает и против употребления термина «русский марксизм» в том специфическом смысле, какой вкладывают в него Бэрон и другие буржуазные историки, признает значение личных контактов Плеханова с рабочими до его отъезда за границу, пытается анализировать сложный вопрос об отношении Плеханова к террору. Не закрывая глаза на слабые места во взглядах Плеханова начала 80-х годов XIX в. (недооценка роли крестьянства, непоследовательность в отношении к террору), Цимке обращает внимание на то, что программные документы группы «Освобождение труда» гораздо меньше отклонялись от ортодоксального марксизма, чем наиболее близкая к ним по времени Готская программа германской социал-демократии (1875 г.), подвергнутая Марксом резкой критике¹⁷.

Буржуазная историография проявляет повышенный интерес к взаимоотношениям членов группы «Освобождение труда» с Марксом и Энгельсом. Как известно, русские марксисты далеко не сразу завоевали признание на международной арене. На первых порах Маркс и Энгельс встретили Плеханова и его товарищей с известной настороженностью. Они критически отнеслись к группе «Черный передел»¹⁸ и возлагали немалые надежды на деятельность «Народной воли». В 1885 г. Энгельс считал, что в России налицо «один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию... И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге». Называя этот заговор сам по себе актом «незначительным», Энгельс подчеркивал, что в России, где все противоречия обострены до предела, действия народовольцев высвободят «такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить». Народ придет в движение, и вслед за русским 1789 годом последует русский 1793 год¹⁹.

Откровенно антикоммунистическое крыло буржуазных историков злорадствует по поводу того, что Маркс и Энгельс якобы «поверну-

¹⁷ Ziemke T. Op. cit., S. 84, 88—89, 93—95, 158—159, 188—189, 227, 331.

¹⁸ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 34, с. 380.

¹⁹ Там же. Т. 36, с. 260, 263.

лись спиной» к Плеханову, Аксельроду и Засулич, «капитулировали» перед народничеством и сами подходили к оценке событий в России скорее как народники, чем как марксисты²⁰. В действительности позиция Маркса и Энгельса имеет свое объяснение, и нет никаких оснований видеть в ней «иронию судьбы» или какую-то странную «неувязку». Эта позиция была обусловлена рядом факторов. Прежде всего, Маркс и Энгельс учитывали реальное соотношение сил в революционном движении России на рубеже 70—80-х годов XIX в., когда народовольцы заполняли всю авансцену борьбы против самодержавия. Сама жизнь должна была со временем разрушить иллюзии народовольцев, исправить их ошибки, привести революционную программу и тактику в соответствие с условиями российской действительности. Пока же, писал Энгельс, самое важное — «чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно»²¹. Кроме того, следует учитывать и такой момент, как идейная связь молодого Плеханова с бакунизмом, вызывавшим у основоположников научного коммунизма негативную реакцию²².

Буржуазные историки намеренно искажают истину, когда пишут о какой-то идейной капитуляции Маркса и Энгельса перед русским утопическим социализмом или о принципиальном изменении отношения марксистов к политическому террору применительно к России. Известно, что Энгельс рассматривал террористическую деятельность народовольцев как вынужденную, оборонительную меру, вызванную политической самодержавия, и добавлял при этом: «За применяемые ими средства эти революционеры ответственны перед своим народом и историей»²³. В 1894 г. Энгельс писал, что если они с Марксом и не осуждали открыто народников, видевших в русских некий «избранный народ социальной революции», то это отнюдь не означает, что сами они разделяли подобные иллюзии²⁴. Вывод о возможности (при наличии благоприятных внутренних и внешних условий, в случае соединения демократической революции в России с социалистической революцией на Западе) некапиталистического развития России, сделанный Марксом, в 90-х годах XIX в. был скорректирован Энгельсом, учитывавшим новые данные, которые свидетельствовали об ускорившемся превращении России в буржуазную страну²⁵.

Чистым измышлением является и тезис Пайпса о якобы изначальном предубеждении Маркса и Энгельса против славян и особенно русских. Не выдерживает критики и его утверждение, будто на отношение Маркса и Энгельса к Плеханову и его товарищам накладывали печать «слабость и безнадежность» марксистского движения в такой отсталой стране, как Россия²⁶. Это противоречит высказыванию Маркса о «быстром распространении» его теории в России. «Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен», — отмечал он²⁷. В 1885 г. Энгельс писал Засулич: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы

²⁰ См., напр.: Geuer D. Op. cit., S. 10; Кеер J. Op. cit., p. 19.

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 36, с. 263.

²² См. Ленин В. И. ПСС. Т. 15, с. 247—248.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 197.

²⁴ Там же. Т. 22, с. 451.

²⁵ Ср.: там же. Т. 19, с. 305; т. 22, с. 452.

²⁶ Pipes R. Russian Marxism and its Populist Background, p. 323.

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 35, с. 342.

прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»²⁸.

Характерно, что за последнее время в некоторых работах буржуазных историков признается постепенное изменение отношения Энгельса к Плеханову и рост авторитета последнего на международной арене²⁹. Цимке отмечает, в частности, что, симпатизируя борьбе народовольцев против царизма, Маркс и Энгельс в то же время отнюдь не солидаризировались с теоретическими основами их движения, критиковали Герцена, Бакунина, Лаврова, Ткачева и никогда не были принципиальными сторонниками террора. Единственным и универсальным критерием в оценке революционного процесса в России были для Маркса и Энгельса интересы международного пролетариата и социализма, пишет Цимке³⁰.

Положительным моментом является тот факт, что в последних работах Гайерхос и Цимке опровергают (со ссылкой на исследования советских авторов) один из самых распространенных стереотипов буржуазной историографии — тезис о полной изоляции группы «Освобождение труда» от революционного движения внутри России. Ведь многие буржуазные историки вообще замалчивали наличие других марксистских организаций (группы Д. Благоева, П. В. Точисского, М. И. Бруснева и др.) или отрицали какие бы то ни было связи между этими первыми очагами марксистской мысли, возникшими в тяжелых условиях российской действительности 80-х годов прошлого столетия, и группой «Освобождение труда». Чрезвычайно неполно была представлена в западной историографии издательская деятельность этой группы, отсутствовали сведения об откликах на ее издания в России³¹. Что касается взаимоотношений между русскими марксистами и народниками в 80-х и начале 90-х годов XIX в., то они истолковывались как своеобразное идеологическое сосуществование, нарушенное лишь легальными работами Струве. Так, Пайпс писал, что до начала 90-х годов XIX в. марксизм признавали в России якобы лишь как чисто экономическую теорию, подкрепляющую доктрину об особом пути России к социализму, а влияние Плеханова и группы «Освобождение труда» было минимальным³².

Ныне, когда усилиями советских историков Ю. З. Полевого, Г. С. Жуйкова, И. Н. Курбатовой, Е. Р. Ольховского и других в научный оборот введено множество фактов, показывающих идейное воздействие группы «Освобождение труда» на передовую интеллигенцию и рабочих в России, когда стало больше известно об издательской деятельности группы, ее международных связях и контактах с марксистскими организациями на родине³³, традиционные концепции буржуазной историографии начинают давать трещины. Цимке, например, критикует взгляды Пайпса и Бэрона и в ряде случаев прямо солидаризируется с советскими историками³⁴. Можно встретить в западной лите-

²⁸ Там же. Т. 36, с. 260.

²⁹ Weill C. *Marxistes russes et social-democratie allemande. 1898—1904*. P. 1977, p. 39; Harding N. *Lenin's Political Thought*. Vol. 1. Lnd. 1977, p. 31.

³⁰ Ziemke T. *Op. cit.*, S. 176, 180—181.

³¹ Подробнее см.: Курбатова И. Н. Ук. соч., с. 167, 215—224, 260—267. В 80—90-х годах XIX в. издания группы «Освобождение труда» были обнаружены полицией в 39 городах России (там же, с. 214).

³² Pipes R. *Struve*, p. 51; eju s.d. *Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement*, p. 12; eju s.d. *Russian Marxism and its Populist Background*, pp. 352, 330.

³³ Полевой Ю. З. *Зарождение марксизма в России*. М. 1959; его же. *Из истории рабочей печати. 1883—1900 гг.* М., 1971; Жуйков Г. С. *Группа «Освобождение труда»*; его же. *Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда»*. Л. 1975; Ольховский Е. Р. В. И. Ленин и «Заря». К истории первого научно-политического и теоретического журнала российских марксистов. Л. 1980; и др.

³⁴ Ziemke T. *Op. cit.*, S. 321—322.

ратуре и компромиссную точку зрения, согласно которой группа «Освобождение труда» с самого начала была источником идей для марксистских кружков, возникавших в России, хотя их организационные контакты и носили спорадический характер³⁵.

Довольно острая дискуссия идет между западными историками и по вопросу о соотношении в программе группы «Освобождение труда» марксизма и остатков народнических взглядов. Многие буржуазные авторы видят здесь своеобразный компромисс: по их мнению, груз народнического прошлого тяжелым камнем висел на мировоззрении Плеханова и его товарищей и придавал их программе эклектический характер³⁶. При этом в «народническое наследие» автоматически зачисляются и признание руководящей роли социалистической интеллигенции в революционном движении, и организация рабочей партии по типу тайного общества, и допущение якобинских методов расправы со старым порядком, и вера в близость социалистической революции в России, хотя в ряде случаев подобное механическое противопоставление народничества марксизму выглядит совершенно нелепым³⁷.

Не выдерживает критики и довольно плоское противопоставление детерминизма и «волюнтаризма» во взглядах Плеханова³⁸, ибо на деле марксизм никогда не сбрасывал со счетов огромную роль субъективного фактора, всегда признавал важное значение деятельности революционных партий и их руководителей, никогда не сводил социально-экономический детерминизм к абсурдному экономическому фатализму. Характерно, что в 80—90-х годах XIX в. Плеханов тоже придавал субъективному фактору в истории большое значение. Об этом свидетельствует, в частности, его статья «К вопросу о роли личности в истории»³⁹. Однако позже, перейдя на позиции меньшевизма, Плеханов уже делал явные уступки историческому фатализму⁴⁰.

Одной из наиболее ярких страниц в истории группы «Освобождение труда» была борьба Плеханова против бернштейнианства, милитаризма и других разновидностей ревизионизма, включая «экономизм» и «легальный марксизм» в России, а также против анархизма и иных «ультралевых» течений. Как известно, бескомпромиссная, наступательная позиция Плеханова, выгодно отличавшаяся от примиренческого отношения к Бернштейну Каутского и некоторых других ведущих деятелей германской социал-демократии и II Интернационала, а также членов самой группы, Аксельрода и Засулич⁴¹, получила высокую оцен-

³⁵ Shukman H. Lenin and the Russian Revolution. N. Y. 1966, p. 31.

³⁶ Кеер J. Op. cit., pp. 22—26; Frankel J. Op. cit., p. 298.

³⁷ Frankel J. Op. cit., pp. 296, 322—323.

³⁸ Anderson T. Masters of Russian Marxism. N. Y. 1963, p. 29; Vladimir Akimov on the Dilemmas of Russian Marxism, pp. 61, 96.

³⁹ См. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. М. 1956, с. 300—334.

⁴⁰ См. Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. М.—Л. 1926, с. 121.

⁴¹ В буржуазной историографии подробно рассматривается вопрос об отношении Аксельрода к Бернштейну и бернштейнианству. Кип безоговорочно утверждает, что Аксельрод симпатизировал Бернштейну (Кеер J. Op. cit., p. 65). Другие авторы склонны видеть в позиции Аксельрода некое раздвоение личных симпатий и политических принципов, хотя в конце концов он встал на сторону своего друга Плеханова (Ascher A. Op. cit., pp. 144—151). Эшер полагает, что у Аксельрода могло быть ощущение «известного соответствия» между идеями Бернштейна и его собственными сомнениями в истинности тех «догм», которыми руководствовалась группа «Освобождение труда». К. Вейль также пишет, что Аксельрод признавал справедливость некоторых «критических замечаний» Бернштейна, советовал Плеханову смягчить критику в его адрес, но затем все же солидаризировался с Плехановым (Weill C. Op. cit., pp. 41—42, 104, 106, 112). На деле Аксельрод считал, что бернштейнианство имеет такое же право на существование, как и ультрареволюционные течения (все дело, по его мнению, было лишь в разнице темпераментов), причем, с его точки зрения, филистерски-черепашье движение вперед в духе Бернштейна имело даже некоторые преимущества перед методами «бури и натиска», поскольку оно стоило бы меньше крови

ку Ленина⁴². Это и понятно, ибо он сам тогда же, в 1898—1899 гг., поставил вопрос о непримиримой борьбе с ревизионистской «критикой» марксизма. Между тем в работах буржуазных историков выступление Плеханова против Бернштейна выглядит как шаг, свидетельствующий о непонимании им той реальной обстановки в рабочем и социалистическом движении, которая сложилась на рубеже XIX и XX вв., когда ревизионизм стал якобы естественным и неотвратимым знаменем времени, а борьба с ним — бессмысленной «романтической глупостью».

Бэрн считает, что в конце прошлого века марксистская ортодоксия все меньше соответствовала объективным условиям развитых капиталистических стран (улучшение экономического положения рабочих, расширение сферы их «сотрудничества» с буржуазией, демократизация западного общества)⁴³. Если Плеханов в ходе полемики с Бернштейном еще ставил альтернативный вопрос: социал-демократия похоронит Бернштейна или Бернштейн похоронит социал-демократию⁴⁴, то теперь, утверждают буржуазные историки, уже не приходится сомневаться в том, что победа оказалась на стороне Бернштейна. Марксизм, пишет Бэрн, не получил реализации ни на Западе, где социалистические партии пошли по реформистскому пути, ни в России, где Ленин якобы предпринял еще большую «ревизию» основных положений марксистского учения. При этом, если бернштейнианству и ленинизму, по мнению Бэрона, так или иначе было суждено развиваться и претворяться в жизнь, поскольку каждое из этих направлений опиралось на определенные социальные реальности, то Плеханов и ортодоксальный марксизм якобы пошли с начала XX в. по нисходящей линии⁴⁵.

В основе этой схемы, которой пользуются многие фальсификаторы истории, лежит несколько целенаправленных операций: «отсечение» ленинизма от марксизма и противопоставление Ленина Марксу; полное отождествление взглядов Плеханова на протяжении всего периода 1883—1918 гг. с ортодоксальным марксизмом; уподобление ленинизма бернштейнианству. Этой схеме противоречит факт существования ныне на Западе революционных, марксистско-ленинских коммунистических и рабочих партий. Вряд ли есть необходимость подробно разбирать здесь каждое из этих положений, не имеющих ничего общего с объективной истиной. Подчеркнем лишь два момента. Подобно тому, как в свое время появление Ленина-мыслителя, Ленина-вождя было бы невозможно без Маркса, точно так же в наши дни нельзя представить учение Маркса без того нового, что внес в него Ленин. «Вне и помимо ленинизма марксизм в наше время попросту невозможен»⁴⁶. Что же касается Плеханова, то его трагедия состояла совсем не в том, что он хранил верность марксизму, а в том, что в меньшевистский период своей деятельности он делал уступки оппортунизму, подходил к Марксу как догматик, не видел в ленинизме творческого развития марксизма в новых исторических условиях XX века.

Верность заветам Маркса, защита марксизма от оппортунистических извращений — именно эти черты, ярко проявившиеся в полемике с Бернштейном, принесли Плеханову заслуженное признание в между-

(см. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. М. 1925, с. 195). В свете этих фактов трудно допустить, что Аксельрод искренне признавал (тем более в полной мере) правоту Плеханова в споре с Бернштейном. «Сдержанность» в отношении Бернштейна проявляла и Засулич (Geierhos W. Op. cit., S. 280). Не понял сущности бернштейнианства также и единственный дополнительно принятый в состав группы «Освобождение труда» новый член С. М. Ингерман.

⁴² См. Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 385; т. 25, с. 222.

⁴³ Вагон S. Plekhanov, p. 182.

⁴⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2, с. 373.

⁴⁵ Вагон S. Plekhanov, pp. IX, 253, 354, 360, 361.

⁴⁶ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М. 1983, с. 7.

народном рабочем движении. Не случайно современная буржуазная историография делает все возможное, чтобы умалить значение выступлений первого русского марксиста в защиту его великих учителей. «Развенчание» Плеханова как оппонента Бернштейна идет у буржуазных историков по нескольким направлениям. Наиболее откровенные противники коммунизма, в частности Пайпс, обвиняют Плеханова в политическом лицемерии и «двойной бухгалтерии»: сам он якобы прекрасно знал, что Бернштейн прав, но не хотел открыто сказать об этом рядовым членам партии, рабочим⁴⁷. Для Пайпса существует лишь одно объяснение позиции Плеханова в спорах с Бернштейном: «староверческий фанатизм», слепой догматизм, убеждение в том, что марксистская «вера» должна стоять нерушимо в полном своем объеме или ей суждено погибнуть⁴⁸.

Во многом близок к этой концепции и Бэрн. Он также считает, что главная цель борьбы Плеханова против бернштейнианства состояла в том, чтобы, невзирая на «неприятные» для марксизма факты «притупления» социальных антагонизмов и «затухания» классовой борьбы, поддержать героический и «идеалистический» характер социалистического движения, помешать проникновению в него скептицизма и безверия. При этом страстность и бескомпромиссность выступлений Плеханова против Бернштейна, его «ярость» Бэрн объясняет чувством страха, растерянностью, душевным смятением, которые будто бы охватили Плеханова при изучении ревизионистской литературы⁴⁹. Одновременно читателю внушается мысль, будто марксизм выводит историческую неизбежность пролетарской социалистической революции из таких факторов, как всеобщая пролетаризация населения, абсолютное обнищание рабочего класса, войны и т. п., хотя подобные вульгарные взгляды далеки от марксизма.

Если верить буржуазным историкам, марксизм вообще не способен дать научное объяснение тем экономическим, социальным и политическим процессам, которые происходят при империализме. Именно этим объясняют они «односторонний» характер полемики Плеханова с ревизионистами, его сознательный «уход» в область чистой философии, боязнь прикоснуться к острейшим социально-экономическим проблемам конца XIX — начала XX века⁵⁰. Не решил этих вопросов, по их мнению, и Ленин. Таким образом, наши идейные противники не желают считаться ни с фактом существования ленинской теории империализма, ни с огромной международной марксистско-ленинской литературой по вопросам современного мирового развития. Умалчивают они и об острой, аргументированной критике социально-экономической стороны концепции Бернштейна в работах Р. Люксембург⁵¹ и некоторых других авторов, написанных на рубеже двух веков. Кроме того, остается неясным, почему Плеханову отказано в праве избрать для полемики с Бернштейном и его единомышленниками философские вопросы, то есть ту область, в которой он был на голову выше других теоретиков II Интернационала.

⁴⁷ Буржуазные историки цитируют фразу Плеханова: «Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать» (Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1, с. 189). Однако это высказывание не дает оснований ставить под сомнение исторический оптимизм Плеханова и изображать его чуть ли не тайным единомышленником Бернштейна, как это делают фальсификаторы истории.

⁴⁸ Pipes R. Struve, p. 213.

⁴⁹ В а г о н S. Plekhanov, pp. 174, 179.

⁵⁰ Бэрн считает, что, хотя философские эссе Плеханова против Бернштейна «искрились остроумием и эрудицией», они, по существу, не опровергали главных антимарксистских выводов немецкого ревизиониста (В а г о н S. Plekhanov, p. 180).

⁵¹ Имеется в виду ее книга «Социальная реформа или революция» (1899 г.).

Многие буржуазные историки замалчивают факт ренегатства Бернштейна, который считался во II Интернационале чуть ли не «душеприказчиком» Энгельса. Бэрн специально подчеркивает, что «кризис марксистской ортодоксии» объяснялся не «предательством» Бернштейна или его «невежеством в марксизме»⁵², хотя Плеханов не без оснований указывал на эту сторону дела. «Ведь это полное отречение от революционной тактики и от коммунизма», «у Бернштейна... есть масса самодовольной пошлости», «там столько пошлостей, что просто глазам не веришь» — так характеризовал Плеханов статьи Бернштейна, публиковавшиеся в теоретическом органе германской социал-демократии журнале «Neue Zeit»⁵³. Но западные историки пишут, что Плеханов в своей критике ревизионизма встретил якобы полное непонимание европейских социалистов, оказал лишь небольшое влияние на германскую социал-демократию и даже дискредитировал себя на международной арене⁵⁴. Они настойчиво проводят и мысль о том, что критика Плеханова в адрес Бернштейна была «вмешательством» во внутренние дела другой социалистической партии.

Факты свидетельствуют о ложности подобных оценок. Дело в том, что Плеханов раньше многих ведущих деятелей II Интернационала разглядел далеко идущие последствия идеологической диверсии Бернштейна. И если Каутский готов был «благодарить» Бернштейна, заставившего-де международную социал-демократию задуматься над проблемами, выдвинутыми новой исторической эпохой, то для Плеханова с самого начала не было двух мнений о том, кто же такой Бернштейн — честно заблуждающийся товарищ или идейный противник, ренегат⁵⁵. Плеханов считал, что выступление Бернштейна не может оставить равнодушным ни одного честного социалиста, что борьба с бернштейнством — задача всех рабочих партий. В письме Л. И. Аксельрод он замечал в ноябре 1898 г.: «Либкнехт пишет мне, что дух оппортунизма сильно распространяется в немецкой партии и что, если этот дух победит, социал-демократы превратятся в буржуазных демократов. Как видите, опасность велика, и каждый из нас должен бороться, как и чем может. Это — наша служба»⁵⁶.

Как известно, Плеханов опубликовал в немецкой социал-демократической печати несколько статей против Бернштейна и К. Шмидта. Бывали случаи, когда статьи Плеханова отклонялись редакцией или подвергались «смягчающей» правке, но характерно, что ни Каутский, который был тогда главным редактором «Neue Zeit», ни А. Бебель, ни другие немецкие социал-демократы не упрекали его во вмешательстве во внутренние дела их партии⁵⁷. Совсем наоборот. Бебель писал

⁵² Вагон S. Plekhanov, p. 185.

⁵³ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1, с. 189, 201; Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. I. М. 1934, с. 283. Интересны также его пометки на экземпляре книги Бернштейна «Исторический материализм», хранящемся в личной библиотеке Плеханова (см. Паукова В. А. Группа «Освобождение труда» и международное социалистическое движение. Кишинев. 1963, с. 59).

⁵⁴ Вагон S. Plekhanov, p. 183; Geuer D. Op. cit., S. 149; Weill C. Op. cit., pp. 101, 107.

⁵⁵ «Должен сознаться, — писал Плеханов Каутскому в июле 1898 г., — что в настоящее время я далек от любви к Бернштейну: это враг, и если я люблю врагов, то не христианской любовью» (Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 2. М. 1973, с. 165).

⁵⁶ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. I, с. 295.

⁵⁷ В Германии Плехановым опубликованы статьи: «Бернштейн и материализм» (это было первое серьезное выступление против Бернштейна в международной социалистической прессе), «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм и кантианизм», «За что нам его благодарить? Открытое письмо К. Каутскому». Характерно, однако, что большая статья Плеханова «Сант против Канта», являвшаяся ответом на книгу Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», не была напечатана в «Neue Zeit» и увидела свет в русском марксистском журнале «Заря». Не были напечатаны в Германии и статьи Плеханова против «ле-

Плеханову: «Прежде всего мне хотелось бы горячо позать Вам руку за ту расправу, которую Вы в своих статьях в «Neue Zeit» учинили над Бернштейном и Конрадом Шмидтом»⁵⁸. В. Либкнехт советовал: «Продолжайте, бейте, сильно бейте, крепко»⁵⁹. Эти факты доказывают также, что выступления Плеханова против ревизионизма не были «гласом вопиющего в пустыне», как пытаются представить дело некоторые буржуазные историки. Незачем, разумеется, преувеличивать политический и научный резонанс философских статей Плеханова за рубежом, тем не менее очевидно, что они сделали свое дело, подтолкнув, в частности, на борьбу с ревизионизмом Р. Люксембург, Ф. Меринга, А. Бебеля.

В искаженном свете предстает в работах многих буржуазных историков и борьба группы «Освобождение труда», прежде всего Плеханова, с российским оппортунизмом — «экономизмом» и «легальным марксизмом». Многие западные авторы вообще не считают «экономизм» оппортунистическим течением, рассматривая взаимоотношения Плеханова и его товарищей по группе с молодыми русскими социал-демократами за границей, выступавшими с позиций «экономизма», как столкновение двух поколений марксистов, «отцов» и «детей», с неизбежными в подобных ситуациях различиями в темпераментах, остроте восприятия окружающей действительности и т. д.⁶⁰ Бэррон видит здесь борьбу ортодоксального доктринерства «стариков» и политического реализма «молодых», которые якобы лучше понимали естественное стремление рабочих к улучшению своего экономического положения и к независимости от марксистской интеллигенции. При этом американский историк иронически замечает, что ортодоксальную чистоту гораздо легче было сохранить в «вакууме», в котором, по его мнению, находились члены группы «Освобождение труда», чем в реальной жизни. Вместе с тем Бэррон не может не признать известную связь между идеями «экономистов» и бернштейнианством, замечая мимоходом, что если бы «экономисты» одержали победу в рабочем движении, то шансы либералов на завоевание гегемонии в борьбе против абсолютизма, возможно, возросли бы⁶¹.

Во многом близок к концепции Бэрона Эшер, который различает в борьбе с «экономизмом» два этапа: «идеологический диспут» (примерно до 1900 г.) и последующую недостоиную «свалку», в которой Плеханов и Аксельрод были нападающей стороной и стремились отстоять свое руководящее положение в социал-демократическом движении⁶². Таким образом, выступление группы «Освобождение труда» против «экономистов», которое, несмотря на его несколько запоздалый характер, все же, несомненно, входит в идейно-политический актив первой российской марксистской организации, трактуется в буржуазной историографии в негативном плане. И это вполне понятно, поскольку буржуазные историки поднимают на щит прежде всего слабые стороны Плеханова как теоретика и политика, спекулируют на его конфликтах с Лениным и, наоборот, всячески принижают значение их совместных действий против идейных врагов марксизма.

Столь же неодобрительно относятся западные историки к выступлению Плеханова против Струве, объясняя его вдобавок чисто лич-

гального марксиста», а затем либерала П. Б. Струве. Подробнее об этих работах Плеханова см. во вводной статье Б. А. Чагина к кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2.

⁵⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. V. М. 1938, с. 269.

⁵⁹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. М. 1925, с. 60.

⁶⁰ Scharif L. Op. cit., pp. 33—35; Кеер J. Op. cit., p. 65; Larsson R. Op. cit., p. 152; Frankel J. Economism: a Heresy Exploited.— Slavic Review, 1963, vol. XXII, № 6, p. 284.

⁶¹ Baron S. Plekhanov, pp. 199—200, 206, 207.

⁶² Ascher A. Op. cit., pp. 126, 143, 158, 165—167.

ными мотивами. «Легальный марксизм» истолковывался в буржуазной историографии не как попытка ревизии философского и политического наследия основоположников марксизма, а лишь как некая его модификация применительно к специфическим условиям российской действительности. В соответствии с этой концепцией Струве изображается как видный теоретик марксизма 90-х годов XIX в., а его идейная близость к Бернштейну — как свидетельство принадлежности к «демократическому социализму», на стороне которого находятся все симпатии западных историков и политологов⁶³.

Не мог не привлечь их внимания и последний, «искровский» период деятельности группы (1901—1903 гг.), когда сотрудничество с Лениным, расширение связей с рабочим движением на родине, деятельность по подготовке II съезда РСДРП заметно оживили активность Плеханова и его товарищей, считавшихся к тому времени уже ветеранами российской социал-демократии. Бесспорно, этот период проходил под знаком руководящей роли Ленина как теоретика и организатора социал-демократического движения, хотя члены группы и пытались еще сохранить свои прежние позиции. Однако жизнь неумолимо производила переоценку ценностей, стремительно выдвигала на авансцену политической борьбы новых руководителей.

Период этот в деятельности группы «Освобождение труда» носил очень сложный, противоречивый характер. Ленин по-прежнему ценил громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый революционный опыт Плеханова⁶⁴, но в работе членов редакции «Искры» постоянно соединялись элементы сотрудничества и идейной борьбы. Однако в целом в значительной мере благодаря такту, выдержке и доброй воле Ленина в «Искре» еще сохранялась почва для совместной, коллегиальной работы и преодоления даже таких острых разногласий, как разногласия, проявившиеся при обсуждении проекта Программы партии и статей Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» и «Аграрная программа русской социал-демократии» (1901—1902 гг.). Это позволило редакционной коллегии «Искры», несмотря на сохранение значительных различий в понимании ряда важнейших вопросов, подойти ко II съезду РСДРП как единому коллективу. Да и на съезде Плеханов не раз поддерживал Ленина, активно выступая против оппортунистов.

Советская историческая наука далеко не сразу пришла к нынешней оценке роли Плеханова и группы «Освобождение труда» в революционном движении, характера их взаимоотношений с Лениным, сущности их споров. Тем более не приходится удивляться разноголосице, противоречивости суждений по данному вопросу, наблюдающимся и по сей день в западной историографии. Одни буржуазные историки сводят разногласия между будущими большевиками и меньшевиками в «искровский» период к минимуму, делая акцент на личных отношениях, разнице темпераментов, разного рода привходящих обстоятельствах (Шапиро, Кип, Гайер). Другие, наоборот, усматривают здесь различия прежде всего принципиального, теоретического характера (Бэрн, И. Гетцлер, Л. Хеймсон, Б. Вольф и др.).

Шапиро утверждает, например, что товарищи Ленина по редакции «Искры» «проглядели» заложенные в его организационном плане опасные тенденции и что никаких серьезных теоретических расхождений между ними до II съезда РСДРП не было⁶⁵. Бэрн подходит к этой проблеме иначе. Прежде всего он признает, что сотрудничество членов

⁶³ Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, pp. 74—75.

⁶⁴ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 5, с. 368.

⁶⁵ Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia. Vol. I. N. Y. 1972, p. 274.

группы «Освобождение труда» с Лениным оказалось чрезвычайно плодотворным и дало толчок дальнейшему развитию социал-демократического движения в России. Он не отрицает, далее, принципиальных различий в подходе Ленина и Плеханова к проблеме взаимоотношений рабочего класса с крестьянством и либеральной буржуазией. Бэрн учитывает стремление Ленина вырваться из рамок плехановской схемы двух изолированных стадий развития российской революции (сначала «общенациональная» антиабсолютистская революция при активном участии либеральной буржуазии, затем после более или менее длительного перерыва — чисто пролетарская, социалистическая революция). При этом «подкоп» под схему Плеханова Бэрн справедливо видит и в ленинском курсе на политическую изоляцию либералов, и в идее национализации земли, и в ставке на крестьянство как главного союзника пролетариата в демократической революции. Неотъемлемой составной частью революционной теории, разработанной Лениным, Бэрн считает и его организационный план.

Вместе с тем Бэрн не усматривает сколько-нибудь заметных расхождений в «ядре» ленинского и плехановского проектов партийной программы (оценка уровня развития капитализма в России, отношение пролетариата к мелкой буржуазии), сводя все дело к разнице в «творческих стилях» двух выдающихся теоретиков российской социал-демократии. Одновременно он пытается приписать Ленину пренебрежительное отношение к рабочим массам как к «стихийному носителю оппортунизма», противопоставить ленинскую концепцию партии взглядам Маркса. Итоговый вывод Бэрна гласит, что «якобинство» Плеханова, которое высоко ценил Ленин, якобы предрасполагало его к большевизму и поэтому разница между взглядами Ленина и Плеханова в организационных вопросах состояла не столько в принципах, сколько в «дозировке». «Искровский стиль», пишет Бэрн, в конечном счете был лишь некоторым «расширением» принципов и методов деятельности группы «Освобождение труда» с присущими ей чертами «элитизма», «диктаторства», «прагматизма» и т. п.⁶⁶

Известно, что взгляды Плеханова-марксиста и группы «Освобождение труда» в основе своей явились частью того идейного наследия, от которого никогда не собирались открешиваться большевики. Деятельность плехановской группы, ее видная роль в интенсивном процессе распространения марксизма в России отмечены в постановлении ЦК КПСС «О 80-летию Второго съезда РСДРП»⁶⁷. Буржуазные историки умышленно оставляют, однако, в тени вторую сторону вопроса — генетическую связь слабых сторон плехановской концепции 80—90-х годов XIX в. с меньшевизмом, внутреннюю закономерность отхода Плеханова от Ленина после создания партии нового типа. Не хотят замечать они и то принципиально новое, что было внесено Лениным в марксизм по сравнению с Плехановым, Каутским и другими представителями марксистской ортодоксии конца прошлого века, нередко представляя дело так, будто до II съезда РСДРП Ленин был лишь учеником Плеханова и занимался в основном пропагандой его взглядов⁶⁸. Между тем в действительности Ленин, многое восприняв у Плеханова, быстро пошел дальше своего учителя. Больше того, Ленин и Плеханов олицетворяли собой два различных этапа в развитии рабочего и социал-демократического движения в России, два этапа в развитии международного пролетарского движения, две исторические эпохи.

⁶⁶ Baron S. Plekhanov, pp. 209, 221, 224, 230, 239, 243—244; Vladimir Akimov on the Dilemmas of Russian Marxism, pp. 47—48.

⁶⁷ См. О 80-летию Второго съезда РСДРП. Постановление ЦК КПСС 31 марта 1983 года. М. 1983, с. 3.

⁶⁸ Harding N. Op. cit., p. 32.

Говоря о значении деятельности группы «Освобождение труда», многие буржуазные историки признают ее вклад в распространение марксизма в России и критику народнических взглядов. Бэрон подчеркивает, что «прорыв» русских марксистов к массовому рабочему движению в середине 90-х годов XIX в. был бы едва ли возможен без терпеливой, самоотверженной подготовительной работы, сделанной Плехановым и его товарищами⁶⁹. Но положительные оценки сопровождаются таким количеством разного рода оговорок, что от вклада группы «Освобождение труда» в развитие рабочего движения и подготовку создания марксистской пролетарской партии в России, по существу, остается очень немного. Кип, например, определяет теоретическое наследие группы как «политическую мифологию», отрицая тем самым правомерность применения марксизма к анализу и прогнозированию социально-экономического и политического развития России⁷⁰. «Новая ориентация» рабочего класса и всего российского освободительного движения, явившаяся итогом деятельности группы «Освобождение труда», была, по мнению большинства буржуазных историков, глубоко ошибочной, поскольку Россия пошла в конечном счете по пути, указанному Лениным и партией большевиков.

На примере современной буржуазной историографии группы «Освобождение труда» виден ряд моментов, характерных для буржуазной исторической науки в целом: безбрежный концепционный плюрализм, взаимоисключающий подход к важнейшим проблемам российской истории; постепенное «размывание» идейной гегемонии англо-американской историографии и стремительное выдвигание вперед некоторых других исторических школ, в частности западногерманской; довольно значительная поляризация сил и обострение идейной борьбы внутри буржуазной историографии в целом и внутри каждой ее отдельно взятой национальной ветви; постепенное расширение источниковой базы в результате более глубокого ознакомления с советской литературой и работы в советских архивах и библиотеках. В исследованиях отдельных представителей молодого поколения западных историков чувствуется отраженное влияние марксистской исторической концепции. Вместе с тем совершенно очевидно и другое: принципиальная неприемлемость для буржуазной историографии марксистско-ленинской методологии, сохранение на Западе руководящих позиций за воинствующими, антисоветски настроенными буржуазными идеологами. Подобная ситуация делает необходимым дальнейшее разоблачение советскими историками различных буржуазных фальсификаций, углубление разработки истории группы «Освобождение труда» и всего начального периода социал-демократического движения в России. Давно назрела потребность в создании фундаментальной истории марксистской мысли, в специальном освещении интереснейшей темы о взаимоотношениях Ленина и Плеханова как мыслителей и политиков. Все это поможет и дальнейшей работе по аргументированной научной критике буржуазных фальсификаций, и творческому, конструктивному диалогу с прогрессивными зарубежными историками.

⁶⁹ Вагон S. Plekhanov, pp. 124, 135—136.

⁷⁰ Кеер J. Op. cit., p. 26.